Александр Иванович Куприн

Итак, бал в институте благородных девиц, пара кружится в вальсе. Он – юнкер, она – воспитанница института:

«Ему показалось, что её шея пахнет цветами бузины, тем прелестным её запахом, который так мил не вблизи, а издали.

Какие у вас славные духи, сказал Александров. Она чуть-чуть обернула к нему смеющееся, раскрасневшееся от танца лицо.

О, нет. Никто из нас не душится, у нас даже нет душистых мыл.

Не позволяют?

Совсем не потому. Просто у нас не принято. Считается очень дурным тоном. Наша maman как-то сказала: «Чем крепче барышня надушена, тем хуже она пахнет».

Это правило хорошего тона актуально до сих пор. Барышня XXI века, вовремя прочитав роман Куприна «Юнкера», навсегда это запомнит. А ещё она поймёт, что молодому человеку абсолютно не интересно, какой фирмы её тушь, тени, и помада. Он видит другое: как она подаёт руку, улыбается, грациозно ли двигается. Для него важно, приятен ли её голос, насколько естественна она. Кроме того, барышня узнает, что у молодого человека, кроме неё, единственной и неповторимой, есть масса важных занятий: спорт, учёба, в которых он обязательно должен быть первым, а также каждодневное измерение собственных юных усов, даже если они, усы, прибавляют ежедневно по десятой доле миллиметра… Очень полезная книга. Очень живая и правдивая. Александр Иванович Куприн писал её по личным впечатлениям о юности, проведённой в юнкерском училище, потому что он собирался стать военным, а стал писателем, да каким!

Родился Александр Куприн в 1870 году в Наровчате, небольшом городке Пензенской губернии. Отца своего, мелкого чиновника, Куприн не помнил, отец умер, года мальчику шёл второй год. Когда Саше Куприну было три года, семья перебралась в Москву.

Детей, а у Саши Куприна были две старшие сестры, воспитывала мать, Любовь Алексеевна, происходившая из княжеского татарского рода Кулунчаков, появившихся на Руси в XV веке. Это позволяло Куприну именовать себя потомком Тамерлана.

Потомок Тамерлана провёл раннее детство в тяжёлой материальной нужде, в унизительной зависимости от разных «благодетелей». Как трудно было ему смирять бешеный татарский норов во время скитаний по чужим домам, клянченья, выпрашивания кусочков... Он сам напишет потом: «Я ненавидел этих благодетелей, глядевших на меня как на неодушевлённый предмет, сонно, лениво и снисходительно совавших мне руку в рот для поцелуя...». Потом был Рзумовски й сиротский приют, а десяти лет Саша Куприн попал в кадетский корпус. Как там жилось маленькому кадету, вы узнаете, прочитав повесть «Кадеты». Нравы в этом закрытом учебном заведении для мальчиков были те ещё! То, о чём пишет Куприн, очень напоминает явление, называемое современным словом «дедовщина»: глумление, издевательства над новичками, особенно слабыми, травля любого, кто посмеет быть не таким, как велит неписаный закон корпуса, а уж если кто посмеет обратиться к взрослым с жалобой!.. Берегись, ябеда! Впечатление от «тёмной», устроенной непокорному однокашнику, осталось у Куприна на всю жизнь. Он даже не знает, выжил ли этот строптивый мальчик, во всяком случае, из корпуса он исчез. Однако, в кадетском корпусе Саша приобщился к чтению хороших книг, здесь же он попробовал писать стихи. А в юнкерском училище состоялся его литературный дебют. Это потом, будучи взрослым, убелённым сединами человеком, он будет вспоминать о первом опубликованном рассказе с юмором и нежностью: и сюжет-то надуманный, и название нелепое – «Последний дебют», чего в природе не бывает, но тогда, в юности, девятнадцатилетний юнкер Куприн с восторгом показывал товарищам газету со своим произведением. Правда, военное начальство взглянуло на это иначе: начинающий автор за недозволенное литературное выступление был посажен в карцер. Нет, никаких репрессий, просто юнкерам не положено выступать в печати. А вообще

годы, проведённые в Александровском юнкерском училище Куприн вспоминал как один из самых светлых периодов своей жизни. Во-первых, там не было гнусного обычая *коллективной* травли новичков. Здоровая нравственная обстановка, атмосфера товарищества, довольно обширная программа изучаемых дисциплин, уроки хорошего тона, спорт, танцы, культ офицерской чести, сплетённый с культом физической красоты и силы так сформировали характер Куприна, что до конца жизни он остался певцом, физического и нравственного здоровья, естественной красоты человека, которая так тесно сплетена с красотой душевной. Он не терпел фальши, может быть поэтому ему так удавались герои-животные: лошади, кошки, слоны, собаки... Маститые критики начала XX века предрекали ему судьбу калифа на час, но прошло почти сто лет, много ли мы помним, а главное, читаем, из тех, кто был славен тогда? А Куприн до сих пор любим и читаем.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь